

Анатолий Ошерович, расставание с большим музыкальным коллективом было вынужденным или осознанным шагом?

- Ни то и ни другое. Мой последний большой коллектив - джаз-оркестр «МКС биг-бэнд» - пользовался громким успехом (нам даже вручили на международном фестивале в Швейцарии сертификат «За выдающееся выступление»). Но пришли другие времена: содержать подобные творческие коллективы сегодня - большая головная боль, вот почему они стали исчезать один за другим. Для них просто нет средств, и я решил для себя, что не имею права стоять за пультом, пока музыкантам платят зарплату, мягко говоря, унижающую их достоинство.

Неужели публика потеряла интерес к джазовым оркестрам?

- Публика здесь ни при чем. И почему - только к джазовым? Если исходить из вашего посыла, то самое время говорить и о потере интереса к серьезной музыке. Разве мы не наблюдаем нечто подобное и с симфоническими оркестрами, большинство которых может существовать только с помощью серьезных дотаций? Порой публике просто не по карману билеты, цену которых определяют, поверьте мне, не работники искусства. Большие музыкальные коллективы сегодня буквально задавлены проблемами, которые не под силу решать даже таким, как оркестр Олега Лундстрема. Президентский оркестр и тот вынужден искать дополнительные формы работы, чтобы обеспечить себе относительно безбедное существование.

Но при всем том есть города, в которых поистине процветают отличные коллективы. Свидетельство тому - регулярно проводимые, в том числе в Москве, всероссийские фестивали джаза. Как эти оркестры выживают?

- Им помогают городские власти, и музыканты сторицей возвращают затраты, становясь гордостью родного края. Так произошло, например, в Волгограде, Краснодаре, Томске, Екатеринбурге, в моем родном Челябинске.

Но на рост популярности джаза в Челябинске во многом повлияли именно ваша популярность и авторитет?

- Не скрою, с этим городом меня многое связывает: там родился, учился, стал профессиональным музыкантом, там же, правда, получил и немало синяков за свое повсеместно осуждаемое тогда увлечением джазом.

Не обидя ли погнала вас из родных краев?

- Действительно, до некоторых пор я, так сказать, был вынужденным мигрантом. Помните - «сегодня он играет джаз, а завтра родину продаст»? Главное, что Челябинск все же обо мне впоследствии вспомнил, и я ему глубоко благодарен за это. Когда я приезжаю на гастроли, всегда аншлаг. И как не сказать добрые слова за заботу о музыкальной культуре города его администрации. Взять хотя бы недавно проведенный в Челябинске Первый Всероссийский конкурс аккордеонистов, эстрады и джаза, председателем жюри которого я, кстати, был. На джазовых фестивалях в Челябинске одновременно играют до сорока коллективов. Один из них, «Уральский дискленд» под руководством Игоря Бурко, получил всемирную известность. Отличные связи у меня и с Челябинской государственной академией культуры и искусства. Недавно я избран ее почетным профессором и с удовольствием взялся вести здесь мастер-классы и творческие семинары.

А вас как педагога и музыканта не удручает общее снижение уровня эстрады в стране?

- Не только меня. Когда с экрана телевизора нам сообщают о «фабрике звезд», я очень сомневаюсь в том, что за два-три месяца можно из молодого человека сделать хорошего исполнителя.

А вы могли бы назвать эстрадных певцов, которых считаете звездами?

Имя Анатолия Кролла не нуждается в комментариях. Дирижер, композитор, пианист, лауреат различных джазовых конкурсов, народный артист России отметил свое 60-летие, а первые самостоятельные творческие шаги совершил... в четырехлетнем возрасте, когда на рояле стал подбирать мелодии корифеев советского джаза Варламова и Цфасмана. Музыкальные университеты он проходил в Челябинске и Ульяновске. В 17 лет стал самым молодым дирижером - музыкальным руководителем Государственного эстрадного оркестра Узбекистана. В 20 создал популярный в стране джаз-оркестр Тульской филармонии, давший путевку в творческую жизнь многим известным джазменам. Потом в Москве возглавил большой эстрадный оркестр «Современник». Своими первыми успехами на эстраде ему обязаны Юрий Антонов и Евгений Мартынов, Леонид Серебренников и Лариса Долина. В 1992 году Кролл создает джаз-оркестр «МКС биг-бэнд» и вдруг - неожиданный поворот судьбы: он решает всерьез вернуться к концертной деятельности в качестве пианиста. Теперь Кролл гастролирует по стране и за рубежом вместе с молодыми музыкантами возглавляемого им квартета «Мы из джаза».

Анатолий КРОЛЛ:

ФОТО ЮРИЯ СТРОКОВА

ЗВЕЗД НЕ ДЕЛАЮТ НА «ФАБРИКАХ»

- В первую очередь, безусловно, Ларису Долину - на мой взгляд, самую яркую исполнительницу на небосклоне отечественной эстрады и джаза. Хочу особо отметить ее уважительное отношение в целом к музыке и к слову. Но не стоит подбрасывать уголек в и без того ажиотажный костер конкуренции на нашей эстраде. Мы ведь порой просто не имеем представления о настоящих голосах певцов, так как многое, а порой и все за некоторых делает электроника. Для меня авторитетен тот певец, который может показать вокальное мастерство в естественных условиях, без привлечения компьютерных средств, которые чаще всего вырывают профессионально непригодного исполнителя.

Название вашему нынешнему квартету «Мы из джаза» пришло из одноименного фильма, к которому вы писали музыку?

- Не скрою, это моя самая любимая киноработа. Всего с Кареном Шахназаровым за более чем двадцатилетнее сотрудничество мы сделали шесть фильмов. Среди них - «Зимний вечер в Гаграх», «Сны», «Американская дочь», «День полнотуния», «Яды». Сейчас мы работаем над седьмым - «Конь бледный» по повести Бориса Савинкова. И хотя, казалось бы, сюжет далек от музыки, ее будет значительно больше, чем во всех наших предыдущих совместных фильмах.

Сюжет картины «Мы из джаза» в какой-то мере соответствует истории?

- Наш фильм - не цитата из жизни. Это своеобразный психологи-

ческий срез времени пионеров джаза.

В фильме кроме написанной и, кстати, сыгранной на рояле вами же музыки хватает и шлягеров двадцатых - тридцатых годов. Это характерно и для картины «Зимний вечер в Гаграх». Вы не опасались, что сравнение может быть не в пользу ваших собственных мелодий?

- Ни в коем случае! Я просто считал для себя обязанностью влиять в музыкальную ткань кинокартины мелодии, которые в полной мере отражали дух времени, его культуру.

А как быть с теми, кто сегодня предрекает смерть классической и джазовой музыке?

- Это даже не предмет спора. Как писал Антон Павлович Чехов, кажется, в «Письме ученому соседу», этого не может быть, потому что не может быть никогда. Джаз, как и опера, умереть не может. Он, как сама жизнь, только видоизменяется.

Поставлю вопрос иначе. Может быть, сегодня ваш вид искусства слишком сложен для восприятия, слишком элитарен?

- Джаз - демократическое искусство, постоянно к тому же развивающееся. Стояние на месте здесь смерти подобно. За примером далеко ходить не надо: на мой взгляд, музыкальная классика многое потеряла бы в том случае, если бы ограничилась прекрасными творениями только Чайковского и Мусоргского. К счастью, мы знаем талантливых композиторов и позднего времени.

Но порой создается впечатление, что аккомпанемент сегодня - анахронизм и зрителей старательно к этому приучают. Вас как дирижера это не пугает?

- Пугает. И не только меня. Певец на громадной сцене, поющий под «фанеру», - нонсенс. Куда страшнее, когда он вообще не поет, а только открывает рот. Это все равно что вам предложили буханку хлеба, испеченную из опилок. На мой взгляд, «фанера» не только свидетельство профессиональной беспомощности, но и, если хотите, явление криминальное. Слушателя, покупающего билет на концерт, должны заранее предупредить о том, что он не услышит живого голоса. Я поддерживаю Иосифа Давыдовича Кобзона, который давно пытается через Госдуму решить вопрос запрещения пения под «фанеру».

Недавно на плечи Анатолия Ошеровича легла еще одна общественная ноша - он избран председателем комиссии эстрадной инструментальной и джазовой музыки при Союзе московских композиторов. Надо сказать, что вопрос о его избрании возник сразу же после того как прежний председатель, композитор Юрий Саульский (недавно ушедший из жизни) тяжело заболел. Но Кролл, будучи другом и соратником Юрия Сергеевича, считал для себя неэтичным даже обсуждать эту тему, хотя в последнее время и выполнял функции ее лидера.

С Юрием Сергеевичем вас связывала и личная дружба?

- Я бы назвал наши отношения особо доверительными - родством душ и непрекращающимся застольем (в хорошем смысле слова, конечно), поскольку ни он, ни я не представляли себе празднование каких-либо событий друг без друга. Юрий Сергеевич был прекрасным композитором, создавшим массу удивительных по красоте произведений, песен, ставших воистину народными (хотя почему-то о нем несправедливо вспоминают лишь как об авторе «Черного кота»). В нем гармонично сочетались профессиональные и человеческие качества. Это был еще и человек с большим чувством юмора - иначе чем объяснить его терпимость к моему, увы, простому характеру?

А в чем это проявлялось?

- Видите ли, я всегда занимал и занимаю принципиальную позицию в отношении джазового дилетанства. Нельзя выдавать за искусство то, что его лишь отдалено напоминает. Он же призывал не рубить сплеча - ведь множество известнейших джазистов начинали совсем не как профессионалы. Достаточно назвать такие громкие имена, как Георгий Гаранян, Алексей Козлов, Алексей Зубов... В общем, как всегда, истина лежит посередине, но иногда в поисках ее нам с Юрием Сергеевичем доводилось спорить. А вообще это и есть одна из задач комиссии, которую Саульский принял из рук своего учителя композитора Николая Григорьевича Минха, - быть своеобразным аналитическим центром, отслеживать все новое в джазе и всячески его пропагандировать. Сегодня мы хотим пойти дальше - позаботиться о расширении самого понятия «джаз» и его интенсивном омоложении, то есть о поддержке молодых исполнителей и коллективов. В конце марта проведем своеобразный трехдневный джазовый марафон в Москве, в котором кроме ветеранов примет участие и талантливая молодежь. Цель фестиваля, которому мы дали имя «Мой дом» - благотворительная в пользу Московского дома композиторов. Ему все мы обязаны своими творческими достижениями, но сегодня он нуждается в нашей помощи.

Ну а в ваших планах все-таки есть намерение возвратиться за пульт большого оркестра?

- Начнем с того, что я от оркестров никуда не уходил. В нашем новом с Шахназаровым фильме я записываю всю музыку в качестве дирижера симфонического оркестра кинематографии. С джаз-оркестрами продолжаю делать большие концертные программы. Но если вы имеете в виду коллектив, который бы я хотел лично возглавить, то это сделаю в том случае, если на то будет государственная или муниципальная воля. Несколько лет назад, кстати, такое предложение мне поступило из московского правительства - возглавить оркестр мэра Москвы. Я с радостью согласился, но, увы, из-за бюрократических рогадок финансовый вопрос повис в воздухе. Если же вы все-таки хотите услышать джаз под моим управлением, приходите в Гнесинскую академию, где я руковожу студенческим оркестром, который думаю назвать «Академик-бэнд Анатолия Кролла».

Вы считаете себя веселым человеком?

- Безусловно. Люблю бывать в обществе людей с высоким жизненным тонусом. Не люблю показной пафос, особенно исходящий от начальников. Считаю, никакая должность не оправдывает чванства.

У музыканта Кролла есть свой любимый анекдот?

- И не один. Например, про молодого дирижера, который решил показать свою власть над оркестром. Вконец замученные его бесконечными, далекими от профессионализма указаниями, музыканты решили разоблачить нового руководителя. Во время небольшой паузы ударник изо всех сил бухнул в литавры. Взбешенный дирижер строго спросил: «Кто это сделал?»

Анатолий ЖУРИН